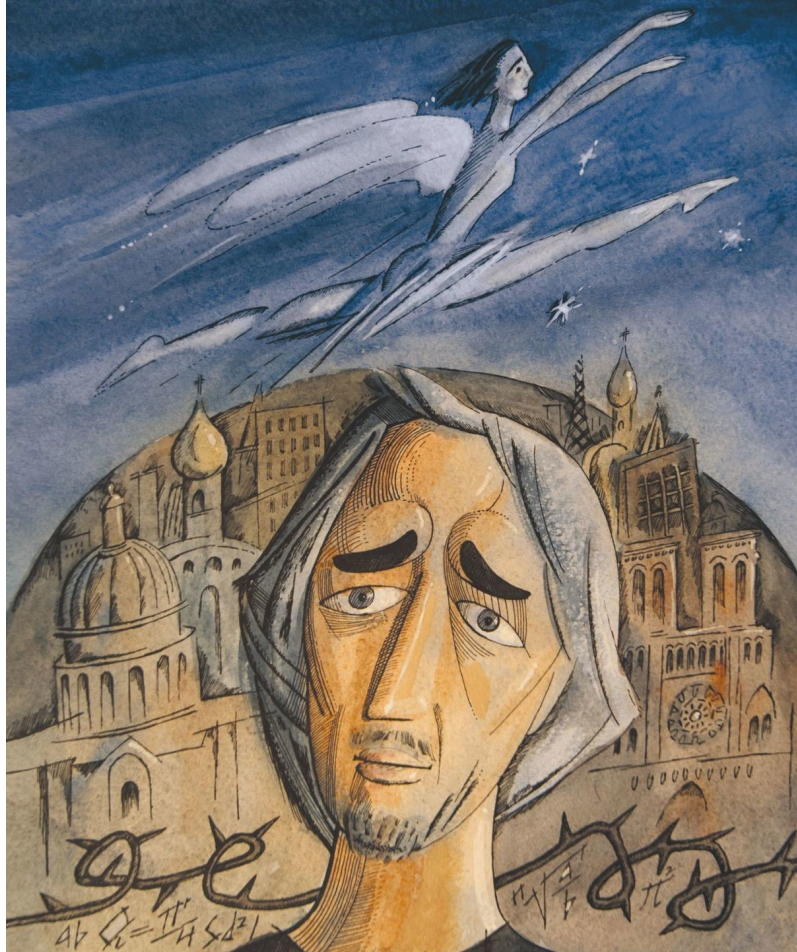

Василий Островский
Веское доказательство

Василий Островский

Веское доказательство. Роман

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23864121

ISBN 9785448381713

Аннотация

История двух любящих сердец, стремящихся обрести свободу. Она – известная русская балерина, оставшаяся на Западе во время Брежневского режима. Он – талантливый математик, пострадавший за свои убеждения, но благодаря наступившим переменам сумевший оказаться в Стэнфорде. Спасаясь от преследований, преодолевая множество барьеров, они борются за свое счастье, не подозревая о кармической силе Судьбы...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	28
Глава 5	34
Глава 6	50
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Веское доказательство

Роман

Василий Островский

© Василий Островский, 2018

ISBN 978-5-4483-8171-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Кафе с весёлым названием «Муха» знал каждый, кто любил послушать настоящий джаз. Это название оно получило не потому, что все, кто выходили из него, были, как правило, «под мухой», а из-за близости к академии имени Мухиной, в былые времена училище барона Штиглица. Американский джаз здесь исполняли каждый вечер, но обычно ближе к закрытию, дабы не привлекать внимание дотошных инструкторов из райкома комсомола. Не сказать, что это был настоящий андеграунд-клуб, но публика там собиралась явно диссидентского плана.

Вадим любил ходить туда в компании однокурсников. Заказав на всех бутылку армянского коньяка и лёгкую закуску, они могли часами слушать горячий бибоп или бередивший их молодые души негритянский блюз в манере Би Би Кинга.

В один субботний вечер, когда оба зала этого полуподвального помещения были заполнены до отказа, в дверях появились три юные грации с королевской осанкой, говорившей об их причастности к классическому балету. Уговорив администратора впустить их, они молча ожидали, когда освободятся места у барной стойки.

– Вы посмотрите, какие красавицы! – воскликнул один из друзей Вадима. – Давайте пригласим их за наш столик. Как-нибудь да уместимся!

Посоветовавшись недолго, смущённые девушки приняли приглашение молодых людей.

– Вы можете занять мой стул, – вскочив со своего места, предложил одной из них Вадим.

– Думаю, мы легко поместимся на нём все вместе, – весело ответила она, сразу покоров его своей волшебной улыбкой.

– Отличная музыка, не правда ли? – сказал он, растерянно улыбаясь, ощущая приятный аромат её тела.

– Обожаю блюз, – с прежней весёлостью ответила она.

– Меня зовут Вадим, – представился он, забыв про всё вокруг и видя перед собой лишь пару нежных карих глаз.

– А я Галя, – сказала она, испытывая необъяснимое чувство – будто знала его всю жизнь.

– Я здесь впервые, – бросив взгляд на низкие кирпичные своды, сказала она. – А вы наверняка завсегда тут?

– Мы любим приходить сюда после лекций.

– Так вы из академии дизайна?

– Наша наука чуточку серьёзнее, она называется математика, – в полушутливой манере ответил Вадим.

– Математика, – внезапно погрузнев, повторила она. – Мой отец тоже закончил физмат. Говорят, он был талантливейший учёный, но я совсем его не помню. Мама много рассказывала мне о нём.

– Они разошлись?

– Ну что вы! Они любили друг друга, но папы не стало сразу после моего рождения.

– Не хотите вина? – внезапно растерявшись, спросил Вадим.

– С удовольствием.

– Принесите нам бутылку «Мукузани» и три бокала, – попросил он официантку.

– За приятное знакомство! – предложил Вадим тост, разлив вино по бокалам.

– За будущих великих балерин! – добавил один из его друзей.

– Вас учат классическому танцу? – спросил парень Галю.

– В следующем году у нас будет выпускной, – ответила она, охотно рассказав ему про занятия балетом и строгие правила, царившие в стенах училища.

Выслушав её волнующий рассказ, Вадим, в свою очередь, стал захлёб говорить о премудростях программирования и последних открытиях, сделанных в математическом мире. Галя с интересом слушала, мысленно возвращаясь в детство, к рассказам матери об отце, расстрелянном в первые послевоенные годы.

Была дивная ночь, когда они вышли на улицу. На совсем светлом небе ярко сияли звёзды.

– Да здравствуют белые ночи! – с совершенно счастливым видом воскликнул Вадим.

– Жаль только, что они начинаются в разгар учебной сессии, – смеясь, заметил его однокурсник.

Попрощавшись между собой, каждая из девушек позво-

лила своему новому кавалеру проводить её до дома.

– Где вы живёте? – спросил Вадим Галю.

– Недалеко – на улице Зодчего Росси. Прошу вас, идёте быстрее, двери общежития скоро закроют.

Они шли по набережной Фонтанки в направлении Ломоносовского моста и тихо беседовали. Во всём ощущалась непривычная умиротворённость. Опустившаяся на город белая ночь, лишив его таинства, окутала реки и каналы мистическими красками.

Идя рядом, молодой человек любовался утонченной красотой своей спутницы, испытывая неведомое доселе чувство. Впервые он был по-настоящему влюблен. Он был не в силах оторвать взгляд от мягкого овала ее лица и полных нежности глаз, с восхищением смотрящих на него. Но больше всего завораживала ее воздушная походка, так подходившая размеренному ритму белой ночи.

– Вы родились в Ленинграде? – спросил он, осторожно беря её за руку.

– В доме на канале Грибоедова, но когда был осуждён отец, нас с мамой выслали в Архангельскую область, где она после нескольких лет проведенных в лагере, умерла от чахотки. Меня определили в детский дом. Там я познакомилась с моим первым балетным педагогом, старой дворянкой, выступавшей еще до революции.

Он замолчал, ощущая неловкость.

– Не знаю отчего, но с вами мне легче говорить об этом,

словно вы мой брат, неожиданно призналась она.

Когда они вышли на мост с башнями, Вадим, остановившись на середине, с несвойственной ему в любовных делах смелостью обнял и поцеловал Галю.

Она, не противясь, неопытно прижалась к его губам. Подойдя к дверям общежития, они снова поцеловались.

– Встретимся завтра в шесть в Катькином саду, – предложила она, прежде чем упорхнуть за массивную дубовую дверь.

На другой день в шесть вечера Вадим стоял у памятника Екатерине Второй с букетиком ярко-красных тюльпанов в ожидании Гали.

Подкравшись неслышной походкой, она запросто подхватила его под руку, как старого знакомого, и нежно поцеловала в щёку.

– Предлагаю выпить шампанского, – сказал он, пригласив её в модное в те времена кафе-мороженицу, прозванное среди студентов «Лягушатницей» из-за обилия зелёного в драпировке уютных кабинок и остальной мебели. Выйдя оттуда через час, в лёгком приятном опьянении они, смешавшись с беспечной толпой, прогулялись по Невскому проспекту, свернув на безлюдную Мойку, и вскоре оказались возле его дома.

– Не хочешь посмотреть, как живёт одинокий студент? – переходя на ты, предложил он, слабо веря в её согласие.

– Хочу, – не раздумывая, ответила она.

Они поднялись в его небольшую комнату в старой коммуналке. Вытянутая кверху, она напоминала монашескую келью с романтическим видом на чугунный мостик.

Стоило Гале войти в неё, как комната чудесным образом преобразилась, став их маленькой обителью любви.

Испытывая трепетное волнение, он поцеловал робко стоявшую Галю. Ему хотелось казаться опытным партнёром, знавшим все тонкости, но овладевшие им чувства сделали его таким же неопытным любовником, как и то хрупкое создание, которое он страстно прижимал к себе.

– Я влюблён, – само слетело у него губ горячее признание.

– И я! – ответила она, подтверждая полным любви взглядом желание принадлежать ему.

Стоило им слиться воедино, как их юные неиспорченные души, воспарив над всем, почувствовали пьянящий вкус свободы.

Спустя неделю после первого свидания, пролетевшую как один волшебный миг, она переехала из общежития в его комнату на Мойке.

Соседка по коммуналке, старушка с дворянскими корнями, с первой минуты полюбившая Галю, не переставала восхищаться их парой.

– Вы, милые мои, настоящие денди – умны, талантливы, а главное – необыкновенно хороши собой, – говорила она,

встречаясь с ними по утрам на общей кухне.

– У этой девочки появилось столько страсти! Её па де ша легки и воздушны, она просто парит над сценой, – сказала хореограф Гали, известная всему миру Наталия Полянская, делясь с коллегами впечатлениями о любимой ученице.

– Наверняка влюбилась, – пошутил один из них.

– В это трудно поверить – никто из моего класса не отдаётся работе так самоотверженно. Завидное трудолюбие...

– Не говоря уже про огромный талант, – поддержала Полянскую её помощница. – Тому, кто забрал эту девочку из детского дома в глухой провинции и привёз к нам в училище, надо поставить памятник.

– Не перевелись ещё благородные души, – согласилась Наталия Полянская. – Всё дело в дворянском происхождении.

– Бедный ребёнок, лишиться родителей в таком раннем возрасте – это ужасно! – воскликнула молчавшая до этого председатель худсовета училища. – Это счастье, что божий дар не пропадёт даром!

– Из неё получится великая балерина!

– Именно ей я бы доверила главную партию в нашем выпускном спектакле.

Большая светлая комната с угловым балконом и окнами, выходящими на излом канала. Маленькая девочка кружится перед отцом, который сидит за письменным столом с ка-

рандашом в руке, погруженный в свои теоремы. Старинный паркет поскрипывает у нее под ногами, словно вторя звучащей из черного круглого репродуктора музыке. Оторвавшись от работы, отец сдвигает очки на кончик носа и улыбается, любясь танцующей Галей.

«В любви малышки к танцу есть что-то волшебное», — думает он, вспоминая, как она, еще не начав толком ходить, уже пыталась кружиться. Дверь открывается, в комнату входит мать и с привычной веселостью объявляет: «Все немедленно идут гулять». Они прогуливаются по заполненной фланерами набережной и наслаждаются теплым июльским солнцем. Отец, приобняв мать, что-то говорит ей, а оставшаяся без присмотра Галя убегает к спуску, насмерть напугав родителей. Они бросаются вдогонку, успев перехватить девочку у самой воды. Вместе поднимают ее на руки, целуют, мягко бранят и называют своей маленькой проказницей. Она видит их тонкие лица, обрамленные лучами солнца, похожие на лики святых. Потом, вспоминая эти уже подернутые пеленой забвения картины из детства, Галя всегда чувствовала себя счастливой: то была память о потерянном Рае.

Помнила она и то хмурое утро, когда за отцом пришли люди в длинных плащах. Как плакала мать, обнимая его на прощание, уже понимая, что это навсегда.

Затем был долгий стук колес. Сердобольные старушки, заглядывавшие в окна на полустанках, предлагали вареную

картошку из почерневших алюминиевых кастрюль. А когда поезд, наконец, остановился, в вагон вошли люди в шинелях и молча увели мать.

В детском доме, куда определили Галю, было много детей с похожей судьбой. Старые воспитательницы, жалея ребенка, отвечали на вопросы о маме, что та больна, поэтому не может прийти, но конечно помнит про свою любимую доченьку.

Но мама не приходила, и Галя становилась все печальней.

Увидев любовь девочки к танцам и, чтобы отвлечь от мрачных мыслей, отдали в хореографическую студию при Дворце пионеров. Руководила студией старая дворянка с горделивой осанкой и строгим выражением лица, которое сразу добрело, как только заканчивалась репетиция.

Они разучивали бальные танцы, и маленькая Галя радостно отплясывала краковяк, держась руками крест-накрест с мальчиком из старшего класса.

Научившись вальсировать, она с легкостью плыла по залу, подчиняясь движениям партнера, представляя себя на балу у сказочного принца. После занятий, уже в одиночестве, она пыталась повторить увиденные где-то балетные движения, испытывая при этом волнующее чувство полета. В эти моменты ее наглухо запахнутая душа вырывалась наружу, воспаряя над миром. Вскоре ее наставница, Екатерина Львовна Иноземцева, разглядев явный талант, взяла Галю под особую опеку, найдя, наконец, ту, которой

можно было передать весь опыт, накопленный на сцене императорского театра.

Когда малышке исполнилось девять, в детский дом пришла трагическая весть: в лагере от туберкулеза умерла мать Гали. Екатерина Львовна решила лично отвезти Гаю в Ленинград, в знаменитое хореографическое училище.

«У девочки огромные способности, она рождена для большой сцены!» – уверяла она местных чиновников, надеясь получить разрешения на отъезд.

К счастью, оттепель еще не закончилась, и разрешение было получено.

Увы – Галя оказалась на несколько лет старше, чем требовалось для поступления в Ленинградское хореографическое училище. Казалось, все мечты рухнули, однако Екатерине Львовне удалось при помощи бывлых связей организовать для девочки отдельный просмотр. Все же Екатерину Иноземцеву еще помнили! Это был настоящий триумф: комиссия, в состав которой вошли знаменитые на всю страну педагоги, единодушно приняла решение: вопреки всем правилам, ее зачислили сразу в третий класс. Никогда еще Екатерина Львовна не была так счастлива. Некоторое время она оставалась подле Гали, снимая маленькую комнатку на набережной Фонтанки рядом с училищем. Но вскоре отпуск закончился, многочисленные питомцы забрасывали свою наставницу письмами, да и начальство настойчиво просило вернуться к работе. Пришлось возвращаться.

Глава 2

– Всё уже решено, – воскликнула Галя, подпрыгивая от радости словно ребёнок. – Я буду танцевать главную партию на сцене, где выступали все великие. Любимый, я безумно счастлива! – она несколько раз чмокнула Вадима в щёку. – После выпускного мы всем курсом идём в «Европейскую».

– Давай пригласим Серёжку Разумовского. Он, как и я, обожает худышек, – проникшись её радостным настроением, сказал Вадим.

– Уверена, девчонки не будут против твоих математических гениев.

Была весна, холодная и ветреная, но с ослепляющим солнцем и необычайно голубым после изнуряющей, серой зимы небом. Они шли по улице с длинными повторяющимися, как в сюрреалистическом сне, фасадами. То и дело останавливаясь, Галя представляла восхищённому взгляду Вадима воздушные па из своей будущей премьеры. В короткой меховой шубке и чёрной фетровой кепи, из-под которой смотрели большие миндалевидные глаза, а сзади был выпущен прелестный золотистый хвостик, она казалась ему той волшебной феёй, которую ей предстояло исполнить на большой сцене.

Дебют до этого неизвестной выпускницы хореографиче-

ского училища прошёл с грандиозным успехом. Все, кому посчастливилось быть в тот вечер в прославленном театре, сразу увидели в ней восходящую звезду. После чествования педагогов все дипломники встретились вновь в ресторане гостиницы «Европейская», сохранившем благодаря блестящему стилю неповторимый дух серебряного века. Заняв весь зал, они устроили в свою честь громкий салют, открыв разом две дюжины шампанского.

– Обожаю арт-нуво! – воскликнула Галя и, блаженно улыбнувшись, прочитала Вадиму строки из Игоря Северянина. Она всё ещё жила в образе своей героини.

Вечный оппонент Вадима в математических спорах, Серёжа Разумовский, прозванный за привлекательную внешность принцем, предложил поднять бокалы за бесподобную Галину. Волшебно зазвенел на столах хрусталь, сопровождаемый дружными «ура».

– Счастливчик ты, Пушкарёв. Отхватил сногшибательную красавицу. А как божественно танцует! – сказал Разумовский, прямо-таки сияя радушием. – Смотри не потеряй. Таких, как она, обычно переманивает к себе Большой театр. Не бросишь же ты ради неё свою новую должность, не победишь за ней в столицу?

– Ещё как побегу! – не задумываясь, ответил Вадим. – Вот только место её не в «Большом», а на мировой сцене – здесь такую, как она, быстро затопчут бюрократы от искусства.

– Ну ты и хватанул! Да тебя самого после НПО отсюда

не выпустят – нам, брат, суждено служить отечеству. Давай выпьем за успешную карьеру. Не знаю как ты, а я так хочу забраться на самую верхушку, – мечтательно улыбнувшись, сказал Разумовский.

– Не по душе мне, когда лучшие научные открытия уходят на оборону. Трудно смириться с тем, что созданные мной программы будут управлять ракетами, направленными на человечество.

– К чертям эти мысли! Какое нам с тобой дело, куда полетят ракеты? Главное, что родина оценит нашу работу. Извини, старичок, но сегодня мне не до споров! – воскликнул Разумовский, вскакивая со стула и устремляясь за привлекательной балериной из кордебалета.

Оркестр заиграл старый добрый рок-н-ролл, и все, кто был за столами, бросились отплясывать энергичный джайв.

– Сегодня ты была неповторима! – сказал Вадим, прижимая в танце Галю к себе.

– Спасибо за чудесный букет, – целуя, ответила она.

– Весь мир будет лежать у твоих ног. Надо только решиться!

– Думаешь, я, как и другие солисты, должна остаться на западе, окрасив слова грустью расставания? – удивилась она. – Сегодня я впервые почувствовала любовь зрителей. Это настоящее счастье – быть нужной людям!

– Тебя полюбят везде, где ты подаришь своё искусство.

Но больше всех буду любить тебя я, – глядя ей в глаза, сказал Вадим.

– Я так боюсь потерять тебя. Эмиграция – дьявольское искушение, – подрагивающим голосом произнесла она. – Ты же знаешь, что с твоей секретностью тебя никогда отсюда не выпустят!

– У меня пока что третья форма. Умоляю, родная, не думай обо мне! Я найду способ вырваться из Союза, мы будем вместе! – с болезненной одержимостью воскликнул Вадим.

«Я солистка лучшего в мире балета», – говорила она каждое утро, шагая по узкой набережной Мойки в сторону Театральной площади. Прошло три месяца со дня ее зачисления в труппу, а она никак не могла поверить, что мечта сбылась. Ей доверили партию Адели – и она справилась с ней так, словно сам господь бог создал ее для этой роли. Танцем она показывала тончайшие движения души своей героини, делая их понятными даже самым неискушенным зрителям. Ее неуемная энергия позволяла много репетировать, выполняя все наставления хореографов. Сцена притягивала Галю. Увлеченная работой, девушка не замечала ни пронизывающих театр интриг, ни вечной конкуренции между артистами, ни слухов и сплетен. Для нее существовала лишь та волшебная сыгранность, что возникает на сцене. Она не изводила себя мыслями о том, что думают о ней партнеры, потому что не считала себя достойной зависти. Открытое

для всех доброе сердце делало ее неуязвимой. Постоянные репетиции и вечерние спектакли позволяли Галине встречаться с Вадимом лишь по ночам, но даже это не нарушало царившей между ними гармонии.

После двух лет выступлений на знаменитой сцене к ней пришла настоящая слава. О новой звезде советского балета заговорили даже на Западе. В это время театр готовился к заграничному турне. Вопрос о том, кто войдет в состав труппы, как обычно, решался на самом верху. Прошел слух, что юный возраст Гали посчитали помехой и вместо нее на гастроли поедет другая прима. Но, к удивлению многих, министр лично утвердил ее кандидатуру, явно рассчитывая поразить идеологических противников. У девушки мгновенно появилось множество врагов, открыто называющих ее не иначе как «провинциальной выскочкой». Она почувствовала себя чужой в театре, который еще недавно казался ей домом, и это сразу же отразилось на выступлениях. Лишь благодаря поддержке главного хореографа она вновь воспряла духом. Но те, кого раздражал ее талант, не собирались отступить, готовя новую провокацию.

Прощание с Вадимом вышло крайне драматичным. Расплакавшись на его плече, она молча приняла идею о побеге, хотя так и не свыклась до конца с мыслью, что покидает родину навсегда.

Глава 3

Лондон способен поразить любого своей имперской роскошью. Но прогуляться после спектакля по Трафальгарской площади, выйти на захватывающую дух от неземной красоты аллею Мэлл или очутиться на набережной Темзы перед сотканым из каменных кружев величественным Тауэром никому из труппы театра не удалось. Любоваться старым городом они могли лишь из окон своего автобуса, да и то под присмотром сопровождавших их повсюду сотрудников госбезопасности.

Столичная публика приняла их так горячо, что, казалось, знаменитый Ковент-Гарден вот-вот вспыхнет от массы положительной энергии, накопившейся в его стенах.

Следующим в их турне значился Париж. Когда всю труппу доставили в аэропорт Хитроу, Гале было объявлено, что она должна вернуться в Москву. Находясь в подавленном состоянии, она попрощалась с полюбившей её за время гастролей труппой, оставшись ждать своего рейса под присмотром приставленного к ней гэбиста. Невозможно описать обуревавшие её в эту минуту чувства. В голове всё смешалось. Мысль о том, что она недостойна представлять свой театр, казалась ей невероятной. Галя внезапно вспомнила слова Вадима, сказанные на прощанье в Ленинграде. Он был уверен в том, что её полюбят на Западе, что и подтвердилось

за время недавних гастролей. «Они приняли меня как родную! За эту неделю я выросла в своих глазах как никогда!» – подумала она, приняв решение остаться в Англии.

Оглядевшись, она увидела двух констеблей в чёрных шлемах, стоявших в глубине зала и молча наблюдавших за толпой.

– Мне надо в туалет, – объявила она гэбисту на удивление спокойным голосом.

– Это где-то в конце зала, – ничего не заподозрив, сказал он.

Она уверенной походкой дошла до середины зала и, бросив короткий взгляд назад, мысленно оценила дистанцию между гэбистом и стоявшими впереди полицейскими. Выдохнув, она храбро бросилась к ним навстречу и, оказавшись совсем рядом, как диктор, выпалила по-английски заранее продуманный текст, объявив о своём желании попросить политическое убежище. То ли её русский акцент, то ли безумно горящий взгляд заставили полицейских, не колеблясь, взять Галю под свою опеку. Мягко придерживая её за локти, они, словно два телохранителя, спасавшие своего босса от опасности, двинулись к выходу.

– Что здесь происходит? – выкрикнул по-английски подлетевший в тот же миг гэбист и попытался вырвать Галю у них из рук.

– Прекратите! Я сама попросила политического убежища, – с негодованием воскликнула она.

Констебли, не обращая ни на что внимания, надёжным эскортом сопровождали девушку в направлении местного отдела полиции, оставив растерянного гэбиста бесславно стоять в окружении кучки любопытных зевак.

Узнав из газет сенсационную новость, труппа королевского театра устроила своей новой приме шумный приём. Её партнёрами возжелали стать ведущие солисты, ослеплённые её молодостью, красотой и непревзойдённой техникой. Взлетевшей до небес славе она во многом была обязана прессе, сделавшей из неё жертву брежневского режима. Популярность такого рода была ей совсем не по душе. Всё, о чём она мечтала, чего страстно желала – это заниматься любимым балетом в свободной стране. Теперь каждый её выход на сцену сопровождался оглушительными овациями. Буквально купаясь в славе, она непрестанно думала о Вадиме. Разлука сильно обострила её чувства к нему. Многие из новых коллег готовы были прийти ей на помощь. Однажды после репетиции к ней подошёл молодой человек и, назвавшись, сотрудником театра, неожиданно заговорил о Вадиме.

– Я слышал, что вашему возлюбленному грозит суровый приговор, – сочувственно произнёс он. – К сожалению, я не знаю подробностей дела, но вы могли бы обратиться с этим вопросом к советскому атташе по культуре. Говорят, он ваш большой поклонник.

Недослушав его, Галя в смятении покинула театр. Соглас-

но инструкциям, выданным в полиции, ей не разрешалась вступать в контакт с людьми из её бывшей страны.

«Я должна это знать, – убеждала она себя, стоя на залитой неоном Пикадилли. – Моя вина, что Вадим попал в руки этих негодяев».

Взяв такси, она отправилась в советское посольство.

Несмотря на поздний час, в старинном особняке всё ещё горел свет. Её встретил обходительный мужчина средних лет, назвавшийся атташе по культуре. Он восторженно отозвался о недавней премьере, не позволив себе даже слабого намёка на её, так сказать, «предательство».

– Дорогая Галина, – извинившись, продолжал он, – вашего друга обвиняют в хранении огнестрельного оружия. Суд может расценить это как подготовку к теракту, – глядя ей прямо в глаза, пояснил он.

«Что если это обычный шантаж?» – подумала Галя. Но мысль, что Вадима могут расстрелять, как когда-то её отца, ужасала. Страх полностью сковал мозг. Атташе ненадолго удалился, оставив её в неприятном замешательстве. Вскоре он вернулся, сказав, что знает, как помочь Вадиму.

– В ваших силах спасти его, – проникновенно начал он. – Надо лишь время от времени снабжать нас информацией. Соглашайтесь, и я обещаю, мы вытащим его из беды.

– О какой именно информации идёт речь? – спросила наполовину сломленная Галя.

– Некоторые подробности о людях из высшего света. Ва-

ше теперешнее положение это позволяет... Связь будем держать через Шона. Кажется, вы уже знакомы, – слащаво улыбувшись, заметил атташе.

– Вадима освободят? – недоверчиво посмотрев на него, спросила Галя.

– Мы сделаем всё возможное, чтобы наказание не было суровым, – пообещал он, подсовывая ей на подпись заранее составленный контракт.

«Если их интересуют всякие сплетни о лондонской элите, то их можно выдумать. Главное сейчас – вытащить из ямы Вадима», – мысленно рассуждала она, не читая подписав контракт. Ей хотелось скорей покинуть этот островок прежней жизни, вернуться в свою уютную лондонскую квартиру. Мысль, что ей удалось спасти любимого человека, согрела душу.

Вернувшись на оживлённые улицы города, она уже не замечала их прежнего блеска. Роскошь, ставшая доступной для неё, внезапно перестала существовать. Она вновь почувствовала себя опутанной сетью ненавистных идей.

В начале головокружительной карьеры находились критики, сравнивавшие Галю (не в её пользу) с другими примами. Но ни один из них не осмелился отобрать у неё право называться самой юной прима-балериной Королевского балета. Её обаятельная улыбка ещё долго украшала обложки всех гляцевых журналов. Говорили даже, что её ждёт Голливуд, но она и слышать не хотела ни о чём, кроме любимого

балета. Перед такой светской львицей, как она, легко распахивались даже самые неприступные двери. Это помогло ей собирать информацию для московских хозяев.

Находясь в головокружительном ритме жизни, она не переставала думать о Вадиме. Известия о том, что он по-прежнему несвободен, сильно мучили её, доставляя невыносимые страдания.

Закрыв входную дверь, Галя устало сбросила туфли и прошла в гостиную.

«Пробежаться бы сейчас босиком да по травушке-муравушке», – подумала она, ступая на мягкий персидский ковер. Из впечатляющего размера окон открывался превосходный вид на ночную Темзу. На другом ее берегу, на фоне яркого синего неба вырисовывался четкий контур собора Святого Павла.

Она легла на белый кожаный диван, занимавший чуть ли не половину просторной гостиной, оформленной в лаконичном, но с элементами постмодернизма стиле.

«Именно о такой квартире я всегда мечтала. Здесь так приятно наслаждаться одиночеством после спектакля, – подумала она, по-кошачьи потягиваясь. – Но все теряет смысл, если рядом нет того, кто когда-то прижал меня к себе и прошептал слова любви. Ни один из местных аристократов, предлагавших самые серьезные отношения, при всей утонченности манер и безупречности вкуса, не мог сравниться

с волшебным обаянием Вадима. Его чувства ко мне настолько глубоки, что способны затмить любой, самый громкий титул. Я отдала бы все, чтобы разделить с ним жизнь, познать до конца, что значит любить и быть любимой».

Она бросила взгляд на висящий на стене пейзаж эпохи Диккенса и Теккерея и мысленно перенеслась в прошедший вечер. После спектакля к выходу подъехал «роллс-ройс» сэра Генри, ее большого поклонника, известного всему Лондону мецената.

Галя получила огромное наслаждение, проезжая через Кент по дороге, ведущей к старинной усадьбе, украшенной круглыми зубчатыми башнями, возникавшими, словно мираж, над верхушками вековых елей. Огромный холл, залитый светом витражей, был способен вместить половину лондонской знати.

«Этот старик питает ко мне те же чувства, которые испытывал Гете, незадолго до смерти влюбившийся в свою восемнадцатилетнюю помощницу, – подумала она, вспомнив, с какой нежностью сэр Генри целовал ей руки на прощание. – Но меня больше интересует его сын Уильям, занимающий высокий пост в правительстве, – Галя тяжело вздохнула. – Мне никогда не привыкнуть к этой роли. Они так милы и обходительны, а я думаю лишь о том, как выпытать у них побольше информации для своих московских хозяев. Не думала, что это будет так унижительно для меня самой. Но назад

дороги нет, я обязательно привыкну. Постепенно эта двойная жизнь пропитает каждую клетку моего мозга, и я забуду, кто я на самом деле, превратившись в Мату Хари или закончив, как великая, но несчастная Ольга Спесивцева».

Размышления на эту тему расстроили Галю, ей захотелось уснуть. Но выспаться ей не удалось: ночью она проснулась от кошмара. Ей приснился старый Лондон с его кривыми туманными улочками, на одной из которых ее стал преследовать человек в черном плаще. Она решила прибавить шагу, но к ногам словно привязали пудовые гири. Незнакомец приближался все ближе и ближе, в его руке сверкнул нож...

«Помогите!» – закричала она. В этот момент перед ней неожиданно распахнулась дверь с большим бронзовым молотком в виде львиной головы, кто-то схватил ее за руку, увлекая за собой, и дверь захлопнулась. Несмотря на полумрак, она сумела разглядеть лицо своего спасителя – это был Вадим. Обняв Галю, он прикоснулся к ней губами, но его поцелуй показался ей холодным.

«Неужели я никогда не увижу его», – подумала она, прежде чем проснуться.

Глава 4

– Присаживайтесь, дорогой Вадим, – радушно встретил его уверенный в себе полковник Грубин. – Говорят, вы делаете успехи. Буду рад помочь вам в карьерном росте.

– Пожалуй, не стоит, – удерживаясь в рамках ледяной вежливости, ответил Вадим.

– Отчего же, мы вам добра желаем, – сказал полковник, беспричинно передвигая по столу мелкие предметы. – Нам нужна ваша помощь – Галина совершила ошибку, давайте вместе поможем ей все исправить.

– Я не пойду на это! – с невозмутимым видом воскликнул Вадим. – С таким талантом, как у неё, лучше не жить в этой стране.

– Вам не нравится наша страна? – помрачнев, спросил полковник; в его голосе зазвучали жёсткие нотки.

«Это он верно подметил – их страна, они здесь хозяева. Но скажи я ему это, и прощай, свобода», – подумал Вадим.

– Поймите, Галя предала воспитавшую её родину. Такое нигде не прощают!

– Хотите её запугать?

– От случайностей никто не застрахован! – сбросил маску дружелюбия, полковник.

– Ничего у вас не получится. Галя теперь принадлежит всему миру.

– Не будьте так наивны, у нас повсюду свои люди.

«Только дотронься до неё... Станешь моим личным врагом!» – молча поклялся Вадим, с трудом подавив кипевшие внутри чувства.

– Я ведь тоже Шопенгауэра читал. Поверьте, свобода не каждому нужна. Многие не знают, что с ней делать.

– Мечтаете вернуть 37-й год! – сорвалось с языка у Вадима.

– Образованный человек, а такую чушь несёте, – сокрушённо покачав головой, сказал полковник. – Поймите вы наконец; кто-то же должен наводить в стране порядок! Предлагаю вам хорошенько подумать, – поставив точку в разговоре, полковник устало откинулся на спинку кресла.

Несколько месяцев после этой встречи прошли для Вадима относительно спокойно. Галя делала всё, чтобы помочь ему вырваться на Запад. Новые английские друзья нашли для него фиктивную невесту. Тростинка Джейн выглядела для этого слишком юной. Копна рыжих волос и глаза – два больших изумруда – делали её немного экстравагантной, что, впрочем, не помешало окончить престижную балетную школу в окрестностях Лондона. Поддавшись больше моде, чем собственным убеждениям, она стала активисткой движения за права человека. Узнав, что может помочь русской приме Ковент-Гардена, Джейн без колебаний отправилась в Советский Союз. Получив статус стажёрки, она поселилась

в общежитии для иностранцев. Разыграть случайное знакомство с Вадимом не составило особого труда. Они встречались всю долгую русскую зиму, а когда пришла весна, подали заявление в загс. Попав в обычную очередь, они должны были ждать ещё три месяца. Устав от спартанских условий общежития, Джейн уехала на каникулы домой. Вадим попытался добиться разрешения на визит к родителям невесты, но вскоре получил отрицательный ответ. Узнав об этом, Джейн решила вернуться обратно, но ей без объяснения причин было отказано во въездной визе.

Вадим догадывался, почему его снова вызывают в Большой дом. Не так давно он получил от Гали письмо, переданное английской туристкой. В нём звучали страх за его жизнь и слова любви, так необходимые ему в эту минуту. Он чувствовал, что за ним следят, но старался не думать об этом. Ему было радостно на душе оттого, что Галя быстро обрела мировую славу. Он хорошо помнил свои слова, сказанные в минуты их прощания: «Настоящее признание придёт к тебе там, где есть свобода!»

Полковник Грубин выглядел уставшим.

– Не моя вина, что мы опять встретились, – снисходительно начал он. – Если честно, я про вас забыл, а тут узнаю про новую невесту. А как же Галя? Что, прошла любовь? – ехидно заметил он.

– Оставьте Галю в покое, – проворчал в ответ Вадим.

– Между прочим, ваша рыженькая – агент Интеллидженс Сервис. Слыхали про такую контору?

– Какой она к чёрту агент? Её интересует балет и ничего больше! – возмутился Вадим.

– У нас есть подозрение, что она вас уже завербовала. Советую чистосердечно во всём признаться, – вкрадчиво произнёс полковник.

– Мне не в чем признаться. Собрались посадить – сажайте. Но улики-то у вас нет! – до невозможности разволновался Вадим.

– Улики найдутся! Давайте решим всё по-хорошему. Ваши коллеги, разработчики КСУТС о вас высокого мнения. Переходите к нам – разведке нужны молодые талантливые кадры. Говорят, у вас блестящий английский, – голосом заботливого папаши добавил полковник.

– Работать на вас не хочу! – чеканя слова, проговорил Вадим.

– Прекратите строить из себя оскорблённую добродетель. Вы перспективный программист. Отправим вас в Америку, устроитесь в крупную компанию, будете снабжать нас необходимой информацией. Мы своих сотрудников высоко ценим, – приторно улыбнувшись, продолжал полковник.

– Зря тратите время!

– Что вы за человек, Пушкарёв? Отец коммунистом был, мать очень порядочная женщина. А вы так и рвётесь сесть

за измену Родине. Лесоповал вас многому научит. Давайте отбросим все разногласия, будем работать вместе, – протягивая Вадиму руку, сказал полковник. – С нетерпением буду ждать вашего звонка, – добавил он, вручив свою визитку.

Всю следующую неделю Вадима мучил страх за своё будущее.

«Пришло время платить за идеалы, – говорил он себе. – Сначала меня уволят, а затем наверняка посадят».

Опасаясь обыска, он перевёз самиздат, стоявший у него на полках, к матери. Через несколько дней в его в коммуналку заявили двое в штатском. Представившись сотрудниками уголовного розыска, они предъявили ордер на обыск. Старший, в сером плаще и фетровой шляпе, пройдясь по коридору, заваленному разным хламом, попросил молодого напарника сходит за понятами. Опасаясь любопытных соседей, Вадим пригласил старшего в комнату. Через несколько минут раздался новый звонок. Вадим бросился открывать. Вместе с сотрудником в квартиру вошла пожилая пара.

– Товарищи понятае, я приступаю к обыску, – объявил старший.

Через минуту Вадим пожалел, что оставил его одного у себя. Всё напоминало хорошо отрепетированный спектакль. Засунув руку под матрац, старший извлёк оттуда отливавший воронёной сталью пистолет Макарова. Затем, порывшись в шкафу, вынул коробку с патронами. Молодой сотруд-

ник стал молча составлять протокол. Вадиму стало не по себе. Он вдруг понял, что за этот маленький спектакль ему придётся заплатить годами жизни, проведёнными в тюрьме.

Глава 5

Развод начинался в 6.30. Выстраивались на лагерной зоне по пять человек – ждали, когда надзиратели начнут шмон.

Автоматчики с собаками стояли в предзоннике, готовые вывести колонну за ворота. От колонии до овощебазы – рукой подать. «Шагай быстрее!» – несколько раз выкрикивала охрана за время короткого пути.

Работа сама по себе не тяжёлая – разгружать в плохо отапливаемый ангар вагоны с сырой картошкой. Во время работы все думали о своём, стараясь выкинуть из головы мысли о колонии, но это мало кому удавалось. Год, проведённый в камере с намордником на окне, сильно ослабил здоровье Вадима. Быть брошенным в набитый уголовниками изолятор оказалось для него настоящим испытанием. После нескольких месяцев полубессонных ночей жизнь в колонии строго режима показалась ему раем. Судьба оказалась менее суровой, чем он предполагал. Иметь свидание с родными было для него настоящим подарком.

Не сетовать на те мученья,
что достаются нам за убеждения,
а с гордостью переносить,
вперёд идти и не юлить.

(Написал он на титульном листе своей рабочей тетради)

Бригадиром у него был Семён Левин – невысокий крепкий еврей, получивший десять лет за валютные операции. Сидеть ему оставалось немного. Бригада Сёму уважала, несмотря на дружбу с кумом (так на «фене» назывался начальник лагеря). Семён взял Вадима к себе из ненависти к режиму – узнав в лагерной картотеке, что тот числится политическим.

Таких, как Вадим, сидевших за якобы мелкое хулиганство или хранение оружия, в лагере оказалось немало. Были, конечно, и торгаши, получившие сроки за крупные махинации. На воле у них остались обширные связи. Овощебаза считалась «тёплым местечком» – вроде как зона, а почувствовать себя свободней можно – конвоиры сильно не беспокоят. Закроют ангар на замок, и никаких тебе прожекторов или колючей проволоки. Про дружбу бугра с начальником конвоиры знали не понаслышке, поэтому с Сёминой бригадой не парились. «У таких, как он, побегов не бывает», – промеж собой говорили они. Сёма конвоиров умел подмаслить – то пузырь с водкой, то сальца шмат подгонит. С такой охраной многое можно сделать, вот и построили они втихаря бункер из старой тары, засыпав его картофельной пирамидой. Забраться внутрь могли не все, но худых в бригаде оказалось большинство. Оставалось уговорить приехать жён и невест. Не всякая пойдёт на такое. Но многие согла-

сились, почувствовав себя жёнами декабристов. Ничего бы из этой затеи не вышло, не будь у Сёмы, ставшего Вадиму после их освобождения лучшим другом, младшего брата. Смелый оказался парнишка – своими руками прокопал лазейку под бетонным забором овощебазы. Тут же составили расписание. Жёны приезжали на первых электричках. Парнишка встречал их на перроне и лично помогал проникнуть на территорию овощебазы. С пустыми руками никто не приезжал. Сёме с этого полагалась законная пайка. Водку и «Беломор» он откатывал конвоирам, а съестное брал себе.

Вадиму позвать было некого, но он не думал об этом, погружённый в создание программы, которой собирался удивить мир. Его математический талант позволял ему надеяться на это.

«Кибальчич рождал гениальные идеи незадолго до казни, а у меня вся жизнь впереди», – говорил он себе, двигаясь к намеченной цели.

Сёма относился к нему с большим уважением, даже позволял во время работы заниматься наукой. «Полезай в бункер, потрахай там свою математику, – в шутку говорил он. – Глядишь, и мы заодно попадём в историю».

Что может сказать любимому сыну еврейская мама, когда тот лезет в рискованные авантюры? Только одно: «Сёмочка, милый, прошу тебя, пожалея бедную мамочку – не подставляй ради денег свою задницу!».

Сёма был третьим и последним сыном в дружной еврейской семье, где все его любили. Он рос настоящим крепышом и потому уже с детства ему доставалась разная работа по дому. Никто из его братьев и сестёр не отличался особыми способностями, но отец многочисленного семейства, Абрам Моисеевич Левин, занимавший солидный пост в большом научно-исследовательском институте, продолжал тешить себя надеждой, что у кого-то из его пятерых детей рано или поздно обнаружится талант.

И он таки не ошибся – маленький Сёма уже с детства умел «делать деньги». Конечно, это не то, о чём мечтал отец. Но всё же врождённая жилка сработала: Сёма медленно, но верно наживал своё состояние. Было это, правда, совсем не в том месте и не в то время, ведь родился он в Америке, то к годам двадцати пяти запечатал бы свой первый миллион. Но полмиллиона, не долларов конечно, а наших деревянных, он всё же заработал, сделав это в период так называемого застоя. Как известно, за всё надо платить, и наш способный выпускник юрфака ЛГУ расплачивался за свою незаконную деятельность вконец расшатанными нервами и частой бессонницей.

Заняться спекуляцией его надоумил школьный друг, Пётр Громов, закончивший торговую мореходку. Вернувшись из первого похода в Европу, он прямо с корабля завалился к Семёну и грустно объявил: «Представляешь Семка, будь у меня в кармане пять сотен зелёных, я бы без труда купил

себе вполне приличное авто. Скоро нас распределят на разные „коробки“ и тогда всем понадобятся „левые“ доллары. Не заняться ли тебе продажей валюты – клиентуру я гарантирую». Идея Семену понравилась, и он со свойственной ему предприимчивостью выстроил несложную схему. Были в его кругу несколько ребят, целыми днями «утюживших» Невский, плюс парочка однокурсниц, с легкостью «переквалифицировавшихся» в интердевочек, – все вместе они могли бы запросто обеспечивать его валютой. «Если поставить все на правильные рельсы, дело пойдет», – весело заверил он друга.

Ему требовался первоначальный капитал, и заработать его Семен собирался не головой, а накаченными мускулами. Нанялся в торговый порт грузчиком – или, как называли их раньше, докером. Еврей с дипломом юриста, грузчик – это напоминало самый короткий анекдот. Но Сёму это не смущало, в его голове полностью созрел план быстрого обогащения.

Работать приходилось по ночам (так большие платили). Новая работа сына привела родителей в полное уныние. Чтобы их хоть как то успокоить, Семен придумал байку о том что решил заработать на собственный автомобиль. Не все в доме ему поверили, но для проплакавшей несколько ночей матери это стало легким утешением.

«Только не заводи дружбу с биндюжниками, – говорила она, провозжая сына на смену. – Тебя ведь могут и прире-

зать!»

За невероятно тяжелую работу платили приличные деньги, плюс чаевые бригадиру от владельцев грузов. Уже через полгода Семён имел достаточный капитал, чтобы заниматься скупкой валюты.

Друзья с Невского проспекта стали регулярно снабжать его долларами, которые он тут же перепродавал морякам. Однокурсницы тоже его не забыли, то и дело подвозя хрустящие банкноты, на которых было написано, что те, кто их печатает, верят в Бога, во что Семёну верилось с трудом.

В общем, дело пошло – валюта приносила стабильный доход. В один прекрасный момент Сема всерьез задумался о своей безопасности, да и подставлять под удар своих близких он больше не мог, а потому решил жить отдельно. К тому времени у него уже было достаточно средств, чтобы купить себе кооперативную квартиру. Благодаря образовавшимся связям он приобрел себе шикарную, по тем временам, квартиру на Петроградской стороне, в новом доме, построенном для служащих Мельпомены. Живя один, он развернул свой бизнес на полную катушку, добавив в свой список весьма солидных клиентов.

Страх быть пойманным все же не покидал его, но он успокаивал себя тем, что сможет откупиться.

Временами возникали проблемы с тайниками, где хранились суммы в долларах. На случай внезапного обыска он обо-

рудовал один из них в собственном туалете, используя для этого вентиляционную шахту. Бросив в нее сверток с валютой и вложенным во внутрь него металлическим предметом, он затем с помощью магнита, привязанного к спиннингу, выуживал доллары назад, словно рыбку из проруби. Однажды продуманная система дала сбой. Пакет провалился слишком глубоко и застрял где-то между этажами. Извлечь его оттуда Семёну помог приятель, которому он пообещал хорошее вознаграждение. Прикинувшись трубочистом тот, после нескольких попыток вытащил из шахты покрытый копотью сверток с тридцатью тысячами долларов. От такого тайника Семе пришлось отказаться. Теперь он все чаще испытывал ощущение, что за ним следят. После нескольких бессонных ночей, он решил завязать с незаконным бизнесом. Но сделать это одним щелчком пальцев не мог, ведь к тому моменту он был не просто Сема Левин, а Сёма по прозвищу «Фюрка» – самый крупный валютный купец в городе. Все кто имел с ним дело уважали его за то что он был человеком слова, и терпеть не мог фармазонов.

Суммы брал любые, от сотни баксов до десятка тысяч. Платил сразу, какой бы огромной ни выглядела конечная цифра. Деньги по тем временам фантастические. Кто-то старую икону дипломату продаст, кто-то сбавит на запад поддельного Айвазовского – вся валюта, в конце концов, стекалась к Сёме. Иностранную «капусту» принимал любую, лишь бы была конвертируемой. Даже «туалетной бу-

магой» не брезговал – так называл он итальянские лиры. Для любой валюты было у него своё название.

Дела у Сёмы шли в гору, а потому потерял он нюх на мен-тов. Да и как тут не потеряешь, если в день по двадцать сделок проворачивал. Клиентуру накапливал годами. В основном из торговой мафии. Была у Сёмы своя система конспирации со сменой паролей и тайников, и даже особый жаргон на случай прослушки. Чем больше он «распухал», тем меньше осторожничал – поистёрся страх за годы. Всё стало напоминать привычную рутину. Словно совершал он не расстрельные сделки, а самую рядовую работу. Сгубила Сёму жадность – сунулся не в своё дело. Вышло всё из-за капитана заграничавания или, как тогда называли, загранич-загрёба. Дружбой с ним Сёма гордился. Подумать только... Герой соцтруда, а держится на равных – никаких намёков на нетрудовые доходы. Сёминым клиентом он стал задолго до того, как ему на грудь повесили Золотую звезду. Валюту брал регулярно крупными суммами, в основном в английских фунтах. Однажды он пригласил Сёму в «Асторию» пообедать. Поговорили, после чего он сделал ему неожиданное предложение. Заказал партию крупных «якутов». Видно, появился у Кэпа в Голландии сбыт на брильянты. И он решил пойти ва-банк – взять этих самых «якутов» на огромную сумму. Такую большую, что простому советскому человеку двух жизней не хватило бы её заработать. Сёма вначале испугался, но после бутылки дорогого французского ко-

ньяка согласился. Ему и в голову не приходило, что такого уважаемого человека давно пасли люди с Литейного 4.

Поскольку речь шла о солидных вложениях, Сёма попросил у Кэпа солидный задаток. Найдя на севере поставщиков, он самостоятельно привёз брильянты в Питер. Заработать в «удар» сто тысяч баксов стало для него делом всей жизни. Но поставить на карту «всё, что нажил непосильным трудом», не решился, а поэтому разделил «брюлики» на равные доли. Одну закопал в тёщином огороде, а другую решил лично доставить капитану. В последнюю минуту закрались в его отчаянную голову опасения. На всякий случай подготовил он себе запасной выход, найдя через ребят с Невского финского «водка-туриста», готового за пару тысяч баксов отдать на время свой паспорт и место в туристическом автобусе. Загримировавшись под угрюмого чухонца и притворившись в стельку пьяным, собирался он таким образом перебраться в дружественную Суоми, а оттуда в Стокгольм и дальше в Штаты. План, конечно, был гениальный, но слишком рискованный, а поэтому Сёма оставил его на крайний случай. Направляясь на встречу, он попросил таксиста остановиться у телефонной будки. Трубку поднял сам хозяин, в голосе – ни одной волнительной нотки.

– Гони, шеф, – вернувшись в машину, сказал успокоенный Семён.

Когда дверь квартиры капитана открыла молодая жен-

щина, назвавшись домработницей, Сёма понял: здесь его ждут совсем не те, с кем он хотел бы встретиться. Как сказали потом его друзья с Брайтон-Бич: «Ну и вляпался же ты, парниша!» Дело даже при самых смягчающих потянуло на десять лет строгача с полной конфискацией.

Слух о том, что в бригаде Сёмы Левина появился способный математик, быстро разлетелся по зоне. Однажды во время ужина к Вадиму подсел седовласый старик с грустными, как у сенбернара, глазами.

– Позвольте представиться. Натан Яковлевич, профессор, доктор математических наук, – дружески улыбаясь, сообщил он.

Вадим не сразу нашёлся с ответом – подумал, очередной розыгрыш. В это время к ним подошёл Семён Левин.

– Расскажите, Натан Яковлевич, юноше, кем вы были на воле, – обратился он к профессору.

– Я уже это сделал, дорогой Сёмочка.

– Тогда возьмите этого юного гения под своё крыло, а то он как чокнутый по ночам на опилках формулы решает.

– Вы молодец! – воскликнул профессор, пожимая Вадиму руку.

Между ними быстро завязалась дружба. После ужина Вадим летел в седьмой барак, чтобы обсудить с профессором свои новые идеи.

– Жаль, судьба не свела нас раньше – прекрасная бы по-

лучилась синергия! – любил говорить профессор, поглаживая свою седую бородку.

– Когда выйду, опубликую свою работу. Вы в ней будете моим научным руководителем, – отвечал ему Вадим.

– У вас, Вадик, всё впереди, а моя песенка спета! Сумел бы уехать с семьёй – преподавал бы сейчас в Гарварде, не сидел бы в сыром бараке. Нам с вами ещё повезло... А сколько непризнанных гениев остались в святой земле Соловков. Уж лучше умереть, чем жить в неволе. Когда выйдете на свободу, сразу уезжайте, мои коллеги в Штатах вам помогут. Тщеславие – наш главный враг. Не заинтересуйся моей диссертацией военно-промышленный комплекс – не надо было бы обивать пороги в ОВИРе, надеясь, что отпустят. Когда нервы сдали, устроил митинг в Белом зале родного Политеха, – на морщинистом лице профессора засияла озорная улыбка. – Собрал больше сотни подписей в свою защиту, а кончилось как всегда – упекли по 109-й. Хорошо что измену не пришили. Как говорили древние, «темпора мутантур» – спасибо, господу – первые правозащитники появились.

– Что у нас за власть такая – лучших людей в лагерях сгноили, – грустно заметил Вадим.

– Тише! На зоне полно стукачей, – опасливо оглянувшись, сказал профессор.

– Меня они пытались завербовать, когда я отказался, подложили под матрас пистолет.

– Нам, дорогой мой Вадик, лучше абстрагироваться от нашего прошлого, иначе мы ни на шаг не продвинемся в работе.

– Вы правы, профессор, математика – лучшее лекарство от лагерной депрессии, – согласился Вадим.

Через несколько месяцев они закончили работу над программой.

– Приглашение из Стэнфорда я вам гарантирую, – со слезами на глазах говорил профессор, обнимая Вадима в день его освобождения.

Когда в тоталитарное государство врывается дух свободы, жизнь в нем начинает бить ключом. Все бурлит как в адском котле, куда люди добровольно бросаются теряя голову.

Вадиму было нелегко вернуться в обычную жизнь после долгого отсутствия. Все, что происходило теперь вокруг, называлось одним словом: «Перестройка».

Он обзвонил всех однокурсников, надеясь встретиться за «рюмкой чая» и вместе вспомнить студенческие годы. Но все они, став добропорядочными отцами семейства, заканчивали разговор одинаково: «Был рад тебя слышать, старик, но прости – встретиться не смогу, совершенно нет свободного времени».

И только дамский угодник Сережа Разумовский, оставивший за собой право личной свободы, быстро откликнулся на его зов.

– Завалимся в «Кавказский», закажем коньячку с шашлыками, как в прежние времена, – весело предложил он во время телефонного разговора. – Кстати, ты не будешь возражать, если я прихватю с собой парочку длинноногих красавиц? – прибавил он, довольный заготовив.

– Ты же без этого не можешь, старый развратник, – пошутил в ответ Вадим.

Ресторан «Кавказский», располагавшийся до этого в длинном узком подвале на углу Невского и Плеханова (бывшей Казанской), занимал теперь и бельэтаж. Стены двух залов были увешаны пейзажами Грузии в стиле Пиросмани. Вадим, сопровождаемый метрдотелем, поднялся по крутой лестнице в верхний зал, заняв столик у окна.

Вскоре в дверях нарисовалась импозантная фигура Разумовского. Седые виски и очки в тонкой золотой оправе делали его еще большим красавцем. Позади него двигался мощный эскорт – две высокие блондинки с походками манекенщиц.

– Старичок, рад тебя видеть живым и здоровым! – воскликнул Разумовский, обняв Вадима и похлопывая его по спине.

– Позвольте представить – наш легендарный программист Вадим Пушкарев! – воскликнул он, повернувшись к ярко накрашенным спутницам.

Одна из них, в короткой юбке, с халой на голове, сотворив

книксен, манерно представилась:

– Анастасия!

– Княжна Романова, – шутливо добавил Разумовский.

Сев рядом с Вадимом, она выставила напоказ круглые загорелые коленки.

Вокруг них засуетились официанты, и вскоре стол заполнился закусками. Посередине возвышалась бутылка марочного «Варцихе».

– Предлагаю выпить за нашего святого! – снова воскликнул Разумовский, подняв наполненную рюмку. – Перед вами человек, бросивший вызов системе, но блондинкам этого не понять, – резко понизив голос, прибавил он.

Они выпили. Разумовский, не прикасаясь к закускам, продолжал говорить.

– Оборонка может накрыться медным тазом. Переходим на хозрасчет – будем делать насосы для колодцев или чудо-печки, иначе не продержаться на плаву. Теперь одна задача – срубить побольше капусты, подлодки пока отдохнут. Грядет разоружение, брат! Мне тут сказали по секрету, что наверху собираются вернуть НЭП. Даже закон о частном предпринимательстве утвердили. Надо и нам с тобой открыть свое дело, мы ведь как-никак программисты высшего класса. Короче, старичок, «куй железо, пока Горбачев»! – с горящими глазами продолжал он одной рукой раз за разом подносить ко рту рюмку с коньяком, а другой гладить под столом коленки своей эффектной подружки.

Вадим был рад встрече, но речи Разумовского вызывали в нем странное чувство: он будто попал на пир во время чумы. Хороший коньяк и лучшие в городе шашлыки постепенно делали свое дело, он уже не слышал неумолкающего Разумовского, целиком переключившись на Анастасию, которая явно поощряла его интерес.

Они провели в ресторане еще несколько часов, переходя с политики на воспоминания о студенческих годах, а затем, поймав такси, всей компанией завалились на квартиру к Разумовскому в одном из спальных районов. Дорогим гостям хозяин великодушно предоставил девятиметровую комнату, где одиноко доживали свой век диван-книжка родом из 60-х и его ровесник – большой круглый торшер.

Анастасия была его первой женщиной после освобождения. Ее молодое упругое тело взволновало Вадима, но мысли блуждали далеко – там, где была Галя.

Через пару месяцев он получил приглашение из Стэнфорда. То, что после пяти лет тюрьмы ему удастся вырваться из Союза, было равносильно чуду. Но чудо свершилось, его выпустили. В свои первые каникулы в Стэнфорде он полетел в Нью-Йорк, где гастролировал Ковент-Гарден. Город, напоминавший гигантский муравейник, поразил его воображение. Он провел с Галей месяц, наполненный любовью и посреди роскоши. Но счастье никогда не бывает долгим. Гастроли театра закончились, и Галя отправилась обрат-

но в Лондон, где ее ждали тысячи сходявших от нее с ума фанатов. Вадим вернулся в Стэнфорд заканчивать магистратуру. Работа в Силиконовой долине сильно изменила его, но он по-прежнему верил, что время не властно над любящими сердцами. Он отправлял Гале письма, полные преданной любви, и она отвечала ему тем же. Но однажды, под рождество, он получил от нее послание, перевернувшее его мир с ног на голову. Она писала, что выходит замуж и умоляет простить ее за это, обещая навсегда остаться его верным другом. Не веря своим глазам, он несколько раз перечитал письмо, после чего долго смотрел в окно, видя перед собой лишь расплывающийся перед глазами туман. Он был опустошен и раздавлен, в нем не было ни капли ревности – просто его жизнь за эти несколько минут потеряла всякий смысл.

Глава 6

Показав невиданную мощь, «Майбах» резко рванул с места. Не успел Альберт повернуть в сторону города, как ощутил у своего виска холодное дуло пистолета. Леденящая дрожь электрическим током пробежала по его спине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.